

УДК 82(1-87)-93
ББК 84(4Ита)
К60

Коллоди, Карло
К 60 Приключения Пиноккио ; [пер. с итал.] / Карло Коллоди; ил. Либико
Марайя. — Москва : Эксмо, 2016. — 172 с. : ил. — (Иллюстрации из дет-
ства).

УДК 82(1-87)-93
ББК 84(4 Ита)

ISBN 978-5-699-73741-3

Original artwork © Libico Maraja Association, 2014
Use without permission is strictly prohibited.
© Перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

*Как столяр Вишня нашёл полено,
которое плакало и смеялось, как ребёнок*

Жил-был на свете...

«Король!» — тотчас воскликнут мои маленькие читатели.

А вот и нет! Всего лишь кусок дерева.

Ничего ценного в нём не было: самое обычное полено, из тех, что жгут зимой в очагах и каминах, чтобы стало теплее в комнате и веселее на душе.

Уж не знаю, как это случилось, но в один прекрасный день попало это полено в мастерскую старого столяра, мастера Антонио. Впрочем, все называли его мастер Вишня, потому что кончик носа у него был красный и блестящий, точь-в-точь как спелая вишенка.

Мастер Вишня просиял, когда полено попало ему на глаза.

— Как раз то, что нужно, — пробормотал он, потирая руки. — Из него получится отличная ножка для столика.

С этими словами он взял остро отточенный топор, чтобы обтесать полено. Но, стоило ему размахнуться, как послышался тоненький голосок:

— Эй, не так сильно!

Можете себе представить изумление старого мастера!

С удивлением оглядывал он комнату, пытаясь понять, откуда донёсся голос, но никого не было видно! Мастер Вишня поискал под лавкой — никого; посмотрел в буфете, который обычно и открывать было незачем, — никого;

заглянул в корзинку со стружками и опилками — и там никого; он даже отворил дверь и высунулся наружу — но и на улице тоже никого не оказалось. Что за чудеса?

— Всё ясно! — рассмеялся мастер Вишня и почесал свой парик. — Это у меня воображение разыгралось. Ладно, пора за работу.

Он снова взял топор и крепко ударил по деревяшке.

— Ой-ой! — завопил тот же тоненький голосок. — Мне же больно!

Мастер Вишня так и застыл на месте с вытаращенными глазами и разинутым ртом. Язык у него с перепугу свесился чуть ли не до подбородка. Едва к бедному столяру возвратился дар речи, он залепетал, дрожа и запинаясь:

— Да кому тут, скажите на милость, кричать «ой-ой»? Здесь ведь ни единой живой души нет. Не может ведь кусок дерева кричать и плакать, как малое дитя? Ни за что не поверю! Это просто полено, такое же, как другие, оно только на то и годится, чтобы его бросили в очаг под котелок с бобовым супом. Или же всё-таки внутри кто-то есть? Ну, если в этом полене кто-то прячется, то тем хуже для него. Я ему покажу!

С этими словами мастер Вишня схватил злополучное полено и принялся безжалостно колотить им о стены комнаты.

Наконец он остановился и прислушался: не раздастся ли снова тоненький голос. Прождал две минуты — ничего, пять минут — ничего, десять... По-прежнему ни звука.

— Ясно, — проговорил мастер Вишня, усмехнувшись. — Конечно, это «ой-ой» мне просто почудилось. Примусь-ка я снова за дело.

Но поскольку мастер Вишня всё-таки был не на шутку напуган, то для храбрости он затянул песенку.

Он отложил топор в сторону и взял рубанок, чтобы обстругать полено. Но не успел он пройтись рубанком и разочек, как прежний голосок выкрикнул сквозь смех:

— Эй, перестань! Щекотно же!

Тут бедный мастер Вишня и рухнул, точно громом поражённый. Когда же он открыл глаза, то обнаружил, что лежит на полу.

Лицо у него совсем перекошилось от страха. И даже кончик носа из красного сделался синим.

Глава 2

*Мастер Вишня дарит странное полено
своему другу Джепетто, который берёт его,
чтобы сделать чудесную куклу,
умещающую плясать, драться на саблях
и прыгать*

И тут в дверь постучали.

— Войдите, — вымолвил столяр, у которого даже не было сил подняться на ноги.

В мастерскую вошёл шустрый маленький старичок. Звали его Джепетто, но когда соседские дети хотели поддразнить старичка, то называли его Кукурузная Лепёшка, потому что его жёлтый парик напоминал цветом кукурузную кашу, которую в Италии именуют полента. Горе тому, кто обзывал так Джепетто: слышав это прозвище, он впадал в ярость.

— Добрый день, мастер Антонио! — поздоровался Джепетто. — Что это вы делаете на полу?

— Учю муравьёв грамоте.

— Дело хорошее.
— Что привело вас сюда, сосед Джепетто?
— Мои ноги. Вообще-то, мастер Антонио, я пришёл вас просить об одном одолжении.
— Я к вашим услугам, — произнес столяр, поднимаясь на колени.

— Нынче утром мне на ум пришла одна мысль.

— Что ж, послушаем.

— Я надумал смастерить красивую деревянную куклу, чудесную куклу, которая умела бы плясать, проделывать разные трюки и прыгать, как акробат. С такой куклой я мог бы разъезжать по свету, так и заработаю себе на кусок хлеба и на стакан вина. Что вы на это скажете?

— Отлично, Кукурузная Лепёшка! — слышался всё тот же голосок.

И вновь невозможно было понять, откуда он доносится.

Услышав, что его назвали Кукурузная Лепёшка, Джепетто побагровел, как петушиный гребень. Он повернулся к столяру и грозно спросил:

— Почему вы меня оскорбляете?

— Кто это вас оскорбляет?

— Вы назвали меня Кукурузная Лепёшка!

— Ничего подобного!

— Хотите сказать, что это я сам себя обозвал? Не отрицайтесь, это были вы.

— Нет!

— Да!

— Нет!

— Да!

Оба распалялись всё сильнее, слова перешли в тумачи, и в конце концов два старичка

сцепились, колошматя друг друга и царапаясь.

Когда драка кончилась, жёлтый парик оказался в руках у мастера Антонио, а Джепетто сжимал в зубах седой парик столяра.

— Отдайте мой парик! — кричал мастер Антонио.

— А вы верните мне мой, и давайте мириться.

Оба старика водрузили на головы свои парики, обменялись рукопожатием и поклялись, что останутся друзьями до конца своих дней.

— Так что же, Джепетто, — произнес столяр, желая показать, что не держит зла на приятеля. — О каком одолжении вы хотели меня попросить?

— Мне бы кусок дерева для моей куклы. Не дадите ли мне что-нибудь подходящее?

Мастер Антонио тут же кинулся к скамье и схватил так напугавшее его полено. Но едва он протянул полено приятелю, как деревяшка вывернулась из его рук и со всей силы стукнула беднягу Джепетто по ногам.

— Ага! Вот какие любезные одолжения вы делаете, мастер Антонио! Вы меня едва не покалечили!

— Клянусь, это не я!

— Получается, это я сам себя стукнул?

— Это всё полено!

— Знаю, что полено, но это же вы меня им ударили!

— И не думал!

— Врун!

— Джепетто, не оскорбляйте меня, не то назову вас Кукурузной Лепёшкой!

- Осёл!
- Кукурузная Лепёшка!
- Обезьяна!
- Кукурузная Лепёшка!
- Бабуин!
- Кукурузная Лепёшка!

Когда ненавистное прозвище прозвучало в третий раз, у Джепетто в голове всё помутилось от гнева. Он налетел на столяра, и они подрались снова.

После драки у мастера Антонио на носу красовались две царапины, а у Джепетто не хватало пуговиц на куртке. Сведя счёты, они вновь обменялись рукопожатием и поклялись в вечной дружбе.

Джепетто поблагодарил мастера Антонио и захромал домой, унося с собой полено.

Глава 3

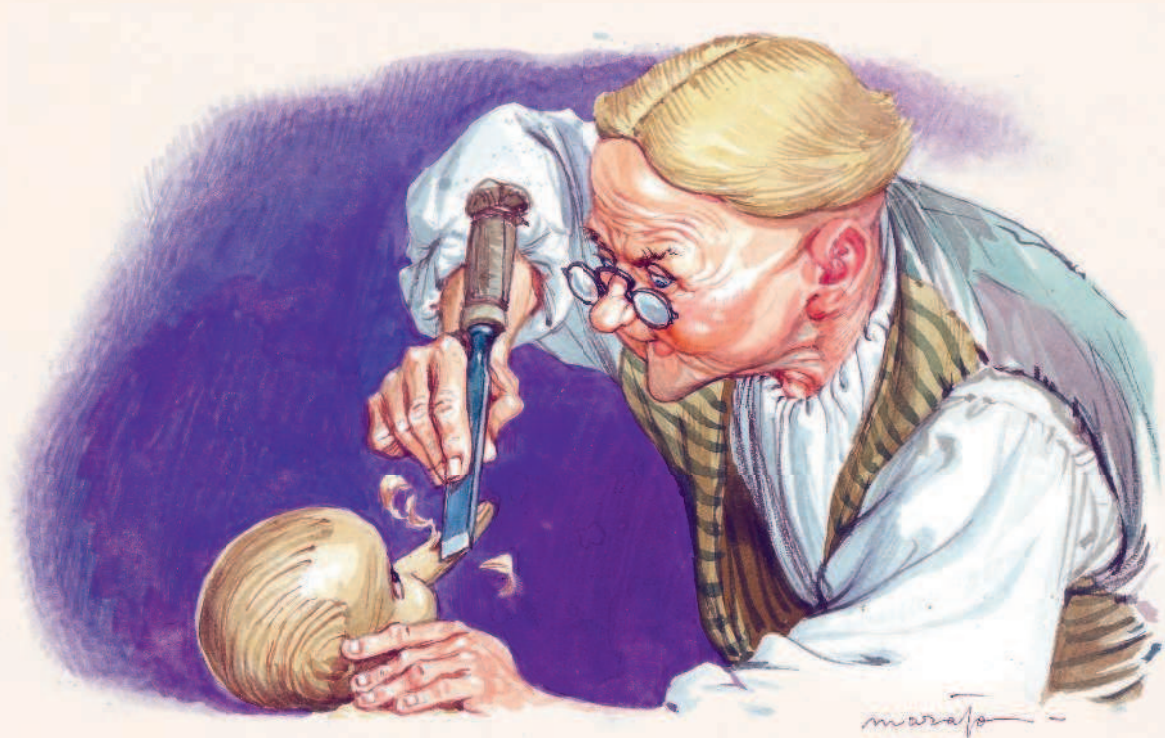
*Джепетто, вернувшись домой,
принимается делать куклу и даёт ей
имя Пиноккио. Первые проделки куклы*

Джепетто жил в маленькой каморке под лестницей.

Более простой обстановки, чем у него, нельзя было и придумать: шаткий стул, убогая кровать и поломанный стол. А очаг с бушующим пламенем был всего лишь искусно выполненной картиной на стене. От нарисованного над огнём котелка вздымались клубы пара — совсем как настоящие.

Вернувшись домой, Джепетто вытащил свои инструменты и начал вырезать деревянного мальчишку.

— Как же мне его назвать? — размышлял он. — Назову-ка я его Пиноккио. Это имя принесёт ему удачу. Когда-то я знавал целую семью по имени Пиноккио. Пиноккио-отец, Пиноккия-мать и детишки-Пинокки. Дела у них шли неплохо, самый богатый из них просил милостыню.

Выбрав имя для куклы, Джепетто всерьёз принялся за работу. Вскоре он уже вырезал волосы, лоб и глаза.

Представьте себе его изумление, когда он обнаружил, что глаза эти моргают и смотрят прямо на него!

Джепетто стало не по себе, и он сердито спросил:

— Что это вы на меня смотрите, деревянные глаза?

Ответа не было.

Джепетто принялся за нос, но, едва он закончил работу, нос стал расти. И рос себе, и рос, пока не оказался такой непомерной длины, что казалось, будто у него и конца-то нету.

Бедный Джепетто пытался укоротить нос, но чем больше он отрезал, тем длиннее тот делался!

Рот ещё и закончен не был, как уже стал кривиться, хохотать и дразниться.

— Прекрати смеяться! — прикрикнул Джепетто, но с тем же успехом он мог бранить стенку.

— Прекрати, кому говорят!

Смеяться рот перестал, зато язык высунул, насколько хватало длины.

Джепетто притворился, будто ничего не видит, и продолжал свою работу. Закончив рот, он перешёл к подбородку, шее, плечам, рукам и животу.

Не успел Джепетто вырезать руки, как почувствовал, что с него сорвали парик. Джепетто обернулся — и что же он увидел? Его жёлтый паричок был в руке у куклы!

— Пиноккио! Верни мой парик!

Но вместо того чтобы отдать парик, Пиноккио нахлобучил его себе на голову, да так, что едва в нём не задохнулся.

Эта дерзкая выходка пуще всего рассердила Джепетто.

— Дрянной мальчишка! — воскликнул он. — Ты ещё толком не готов, а уже так неуважительно относишься к отцу! Скверно это, сынок, очень скверно!

И расстроенный Джепетто смахнул набежавшую слезинку.

Оставалось сделать ноги.

Едва Джепетто закончил ступню, как получил удар прямо в нос.

— Я это заслужил, — сказал он самому себе. — Мне следовало предвидеть такое. Но теперь уже ничего не поделаешь.

И, взяв Пиноккио за руки, он поставил его на пол, чтобы научить ходить.

Поначалу ноги не слушались Пиноккио, и он не мог двинуться с места. Но Джепетто вёл его за руку и показывал, как нужно переставлять вперед сначала одну ногу, потом другую.

Как только ноги Пиноккио обрели подвижность, он начал уже без помощи Джепетто расхаживать, а потом и бегать по комнате. Тут он заметил, что входная дверь открыта, выскочил за порог и припустил по улице.

Бедный Джепетто бросился за ним, но где ему было поймать Пиноккио! Тот петлял, как заяц, и его деревянные

ноги отбивали дробь по мостовой как целых двадцать пар башмаков.

— Держите его! Ловите! — надрывался Джепетто. Но прохожие, завидев деревянного человечка, мчащегося будто скаковая лошадь, сначала застывали в изумлении, а потом хохотали до упаду.

Шум услышал полицейский, он решил, что это, наверное, жеребец удрал от своего хозяина. Он храбро встал посреди улицы, чтобы перехватить беглеца. пока тот не натворил бед.

Пиноккио издали заметил полицейского, перегордившего улицу, и попробовал перехитрить его, проскочив у него между ног.

Полицейский и с места не двинулся: он ухватил Пиноккио за нос — а длинный нос словно был создан для того, чтобы за него ловить проказника — и возвратил его Джепетто. Тот собрался было в наказание надрать Пиноккио уши, но каково же было его изумление, когда он никаких ушей не обнаружил! А знаете, почему? Джепетто так не терпелось поскорей вырезать свою куклу, что про уши он в спешке забыл.

И тогда Джепетто схватил Пиноккио за горло и потащил домой, качая головой и приговаривая:

— Ну, дай только добраться до дома! Уж я тебе покажу!

Услышав такое, Пиноккио вырвался, повалился на землю и не желал двигаться с места. Вокруг немедленно собралась толпа зевак.

— Бедная кукла! — переговаривались люди. — Прав малыш, что не хочет возвращаться домой! Наверняка этот злобный старик изобьёт его!

А другие добавляли:

— Этот Джепетто добряк только с виду. А с детьми он просто изверг. Если оставить эту несчастную куклу у него в руках, от неё только щепки полетят!

И столько они наговорили, что в конце концов полицейский отпустил Пиноккио, а Джепетто поволок в тюрьму. Бедняга не знал, что и сказать в своё оправдание, и по пути в тюрьму плакал как ребёнок и твердил сквозь слезы:

— Несчастье, а не мальчишка! Подумать только, а ведь я так старался, чтобы у меня получилась послушная кукла! Что ж, поделом мне! Раньше надо было думать!

В то, что произошло дальше, трудно поверить, и всё-таки я расскажу вам обо всём по порядку.

Глава 4

*Приключения Пиноккио с Творящими Сверчком,
из которых следует, что скверные дети
не любят, чтобы их наставляли те,
кто знает больше их*

А теперь, дети, надо вам сказать, что покуда бедного Джепетто без всякой вины тащили в тюрьму, негодник Пиноккио, едва освободившись от полицейской хватки, кинулся прочь со всей быстротой, на какую были способны его ноги. Спеша домой, он мчался через поля, взбирался на

высокие берега, перемахивал через терновые изгороди и заполненные водой канавы — точь-в-точь как заяц, спасающийся от охотников.

Оказавшись, наконец, у дома, Пиноккио обнаружил, что входная дверь не заперта. Он распахнул её, вошёл в дом, задвинул за собой щеколду и со вздохом облегчения опустился на пол.

Но отдыхать ему пришлось недолго, ибо в комнате вдруг послышался чей-то голос: «кри-кри-кри»...

— Кто это меня зовёт? — в испуге спросил Пиноккио.

— Это я!

Пиноккио обернулся и увидел большого сверчка, медленно карабкающегося по стене.

— Ты кто такой? Ну-ка, рассказывай!

— Я — Говорящий Сверчок и живу в этой комнате больше ста лет.

— Что ж, теперь эта комната моя, — заявил Пиноккио. — Сделай милость, убирайся отсюда и даже назад не оглядывайся.

— Я не уйду, — ответил Сверчок, — пока не открою тебе великой истины.

— Ладно, выкладывай, не тяни.

— Горе тем детям, которые перечат родителям и убегают из дома. Никогда им не добиться на свете ничего хорошего, и рано или поздно им придётся горько пожалеть о своих поступках.

— Пой себе на здоровье, Сверчок, сколько угодно. Я твёрдо решил, что завтра же на рассвете сбегу отсюда, не то меня ждёт такая же участь, как и других мальчишек, — меня отправят в школу. А мне, честно говоря, совсем не хочется учиться. Гоняться за бабочками, лазить по деревьям и разорять птичьи гнёзда куда занятней.

— Бедный дурачок! Разве ты не знаешь, что если не будешь заниматься ничем, кроме игр, то превратишься в настоящего осла и все станут потешаться над тобой?

— Придержи язык, ты, злобная трещотка! — закричал Пиноккио.

Но сверчок был мудр и терпелив: вместо того чтобы рассердиться на грубость Пиноккио, он неторопливо продолжал:

— Раз ты не хочешь идти в школу, то почему бы тебе не научиться какому-нибудь ремеслу? Тогда ты смог бы зарабатывать себе на жизнь честным трудом!

— Я тебе скажу почему, — ответил Пиноккио, уже начинавший терять терпение. — Из всех ремёсел на свете мне по сердцу немногие.

— И какие же?

— Есть, пить, спать и развлекаться, разгуливать без дела с утра до вечера.

— Как правило, — изрёк сверчок с прежним спокойствием, — все избравшие такое ремесло заканчивают свою жизнь либо в больнице, либо в тюрьме.

— Хватит каркать, болтливая тварь! Лучше не зли меня!

— Бедный Пиноккио! Мне тебя искренне жаль!

— Почему это?

— Потому что ты всего лишь деревянная кукла, и, что хуже всего, у тебя деревянная голова.

При этих словах разъярённый Пиноккио вскочил, схватил со скамейки молоток и запустил им в Говорящего Сверчка.

Может, Пиноккио и не хотел в него попасть, но только молоток угодил Сверчку прямо в голову. Несчастный и «кри-кри-кри» вымолвить не успел, как его расплющило по стенке.

Глава 5

*Пиноккио голоден; он находит яйцо,
хочет сделать из него ягнницу,
но эта ягнница улетает в окошко*

Настала ночь. Пиноккио вспомнил, что целый день ничего не ел, и в желудке у него что-то заныло. Похоже, это был аппетит.

Но у мальчишек аппетит растёт быстро, и уже через несколько минут аппетит превратился в настоящий голод, а голод, в свою очередь, быстро обернулся лютым зверем.

Бедный Пиноккио кинулся было к очагу с заманчиво бурлящим котелком, но котелок оказался всего лишь рисунком на стене. Представляете, каково было изумление Пиноккио! Его нос, и без того длинный, вытянулся ещё на несколько сантиметров.

Тогда Пиноккио заметался по комнате, шаря по ящикам и по всевозможным уголкам в надежде отыскать хоть немного чёрствого хлеба, или корочку, или обглоданную собакой кость, горсть заплесневелой каши, рыбий скелет, вишнёвую косточку — что угодно, лишь бы можно было это погрызть. Но он не нашёл ровным счётом ничего.

А голод между тем мучил Пиноккио всё больше и больше. Несчастному ничего не оставалось делать, кроме как зевать, и зевки у него порой получались такие широкие, что рот оказывался там, где следовало быть ушам.

Отзевавшись, Пиноккио почувствовал, что проголодался ещё больше, и уже почти терял сознание.

В отчаянии он принялся плакать и причитать:

— Прав был Говорящий Сверчок, не следовало мне перечить отцу и убежать из дома. Будь отец здесь, я бы не умирал сейчас голодной смертью! Какая ужасная напасть этот голод!

Тут ему показалось, будто что-то виднеется в ворохе деревянных стружек — что-то большое, круглое, вроде куриного яйца. Пиноккио вскочил на ноги и схватил свою находку. Это и вправду было яйцо!

Радость Пиноккио невозможно описать! Боясь, как бы это не оказалось сном, он всё вертел яйцо в руках, ощупывал его и целовал.

— Как бы мне его приготовить? — задумался он. — Может, сделать яичницу? Или будет вкуснее, если сварить его всмятку? Или вкрутую? Нет, проще всего пожарить. Лишь бы съесть поскорее!

Пиноккио поспешно развёл огонь и поставил на него сковороду. Вместо масла он плеснул на дно воды, и, как только вода закипела, — крак! Он разбил яйцо, держа его над сковородкой. Но вместо желтка и белка оттуда выскочил маленький бойкий цыплёнок. Он поклонился Пиноккио и сказал:

— Премного благодарен, господин Пиноккио, за то, что избавили меня от необходимости

